

9. Закон Красноярского края от 25.10.2007 №3-626 «Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/496> (дата обращения: 17.11.2018).
10. Уполномоченный по правам детей в Финляндии. [Электронный ресурс]. URL: <https://finland.fi/zhizn-i-obshhestvo/upolnomochennyy-po-pravam-detej-dopo> (дата обращения: 17.11.2018).
11. Уполномоченные по правам ребенка в субъектах РФ / Открытая Академия правовой культуры детей и молодежи. [Электронный ресурс]. URL: <http://acadprava.ru/services/435/8012.html> (дата обращения: 17.11.2018).
12. Suomen perustuslaki. 11.6.1999/731. (Конституция Финляндии). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731#L10P114> (дата обращения: 17.11.2018).
13. Laki eduskunnan oikeusasiamiehestä. 14.3.2002/197 (Закон о парламентском омбудсмене). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oikeusasiamies.fi/fi/laki-eduskunnan-oikeusasiamiehesta> (дата обращения: 17.11.2018).
14. Laki lapsiasiavaltuutetusta. 21.12.2004/1221 (Закон об омбудсмене по правам детей). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2004/20041221?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=1221> (дата обращения: 17.11.2018).
15. Valtioneuvoston asetus lapsiasiavaltuutetusta. 274/2005. (Постановление Правительства об омбудсмене по правам детей). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2005/20050274?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=274> (дата обращения: 17.11.2018).
16. Jussi Ylönen. Eduskunnan oikeusasiamiehen laillisuusvalvonta ja alemmat laillisuusvalvojat – päällekkäisen toimivaltajaon problematiikka (Судебный контроль парламентского омбудсмена и нижестоящих чиновников – проблема дублирования законодательства). [Электронный ресурс]. URL: <http://lauda.ulapland.fi/handle/10024/62051> (дата обращения: 17.11.2018).

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЕЕ НЕГАТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А. Е. Трефилова,
студентка ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
ankalime2000@mail.ru
Научный руководитель:
М. Ш. Альмухаметова,
доцент кафедры теории государства и
права и международного права
ИГиП ТюмГУ,
кандидат исторических наук

«...Криминальное перерождение общества становится реальной угрозой, которая может перерасти... из сферы криминологической, правоприменительной, в политическую, затрагивающую не только судьбы государственности, но и жизнь всего российского социума».

Ж.Т. Тощенко

Современное общество неоднородно. Общественный плюрализм, надёжно закрепившийся в его жизни, породил великое множество разнообразных течений, объединений и групп. Некоторые из них – форма поиска себя, помощь в социализации, но некоторые имеют ярко выраженный агрессивный характер, негативно влияют на мировоззрение не только своих представителей, но и общества в целом, затрагивая рамки морали и закона.

Одним из последствий субкультурного разнообразия в современной России является повышенная криминализация общественных отношений, влекущая за собой не только рост преступности, но и создание реальной опасности поглощения криминальной субкультурой значительной части общественных отношений. На настоящий момент атрибуты криминальной субкультуры настолько укоренились в социуме, что их проявления выходят далеко за рамки мест лишения свободы и преступных групп. Нередки случаи их обнаружения в армейских частях, в молодежных коллективах («ауе-субкультура»), в местах досуга и отдыха, и даже в отдельных трудовых коллективах и образовательных учреждениях.

Именно этим обусловлена актуальность выбранной темы – начавшая свою историю ещё во времена правления первых Романовых криминальная субкультура и в XXI веке не теряет своего места. Однако криминализация социальной жизни недопустима в рамках целого общества, поэтому возникает необходимость во всестороннем изучении появления криминальных субкультурных веяний, причин их распространения, а также прогнозирования опасностей, которыми это может грозить.

Говоря о степени изученности данной темы, можно сказать, что важность прекращения криминализации общества первоначально была отмечена, как ни странно, в художественной литературе ещё в середине XIX века. Из русских исследователей впервые к ней обращается Ф.М. Достоевский, отражая в своих произведениях впечатления о жизни каторжников и ссыльных, о которой знал не понаслышке [1]. Позднее обращались к тематике криминальной субкультуры А.П. Чехов в «Острове Сахалин» [2], а также В.Т. Шаламов, А.И. Солженицын [3].

И всё же, с точки зрения социологии, первыми обратили свой взгляд к криминальной субкультуре именно зарубежные ученые середины XX века (Р. Мертон, А. Коэн). Лишь ближе к концу прошлого века русская криминальная субкультура стала изучаться советскими, а после российскими учеными. К ней в научных работах и статьях обратились А.И. Гуров [4], В.И. Пирожков, Ж.Т. Тощенко и др. Однако за последние годы криминальная среда сильно изменилась, что также является причиной для её дальнейшего изучения.

Криминальная (лат. *criminalis* – преступный) субкультура (лат. “*sub*” – под + лат. “*cultura*” – развитие) – это выработанная преступным миром система ценностей, противопоставляемая общечеловеческим эталонам.

Наличие в определённом обществе, группе, коллективе криминальной субкультуры определяется во многом степенью посвящения ее членов в криминальные идеи, традиции. Признаками присутствия криминальной субкультуры являются: жёсткая стратификация, обязательность правил для рядовых лиц, изоляция отдельных членов – “изгоев”, криминальная атрибутика, распространённость противоправных действий, отказ от участия в общественной жизни, и др.

Криминальная субкультура, как явление уголовно-социальное, отражает не только степень криминализации социума, но и отвечает за передачу уголовных ориентиров, как по отношению напрямую к преступникам, так и косвенного (например, по отношению сотрудникам пенитенциарных органов через профессиональную деформацию). Из этих положений следует наличие у криминальной субкультуры функций, касающихся, впрочем, в основном, именно криминальных элементов:

- Профессионально-преступная функция (передача накопленного опыта);
- Стратификационная функция (объяснение статусно-ролевой иерархии);
- Криминальная социализация (адаптация новых членов к правилам среды);
- Мировоззренческая функция (формирование системы взглядов, оценок);
- Нормативно-карательная функция (установление норм поведения);
- Коммуникативно-отличительная функция (система опознавания «своих»);
- Пропагандистская функция (распространение среди населения, молодёжи);
- Потребностно-эстетическая функция (установление эталонов поведения).

Проявляется многоаспектность криминальной субкультуры и в её наделённости рядом содержательных компонентов. В первую очередь, это духовный компонент – психическая энергия преступников, реализуемая в их криминальной деятельности, в том числе: психологические, традиционные особенности преступников, атрибуты криминального мира, преступные знания. Другой стороной монеты является материальный компонент, включающий средства совершения преступлений, материальные ценности, поведенческую сторону деятельности преступников.

При этом нельзя не отметить, что, имея некоторые соотносимые друг с другом различия, оба компонента взаимосвязаны и напрямую влияют на причины преступных действий. Среди причин по мере зависимости их от субъекта можно также провести деление на два элемента: внешние факторы криминального поведения (социальная среда, в которой лицо находится в процессе социализации) и внутренние факторы (психологические процессы, связанные со свойствами личности, мотивацией криминального элемента).

Иной особенностью криминальной субкультуры является размытость правовой базы, нашедшей отражение сразу в ряде источников – как в наиболее значимых нормативно-правовых актах РФ (Конституция РФ), в подзаконных актах (Распоряжение Правительства РФ "О Концепции развития уголовно-исполнительной системы..."), так и в ненормативных документах. Данный аспект раскрывает проблему и особенность уголовной субкультуры – широкое распространение в общественной жизни.

Чем же обусловлено именно такое положение криминальной субкультуры в правовой сфере жизни общества и как с ним бороться? Обратившись к истории криминальной субкультуры и опыту прошлых веков, мы найдем ответы на эти и многие другие вопросы.

Временем зарождения криминальной субкультуры можно считать времена правления первых русских царей, при которых многие существующие сейчас уголовно-исполнительные нормы закреплялись впервые. Именно с тех времен местами процветания преступности стали тюрьмы, сохранившие за собой данную особенность, а также и места ссылки, где также происходило формирование ценностной системы осужденных.

Первые упоминания о тюрьме (в нужном значении) содержатся еще в Судебнике 1550 г., где она впервые упоминается, как место отбывания наказания, и где, однако, не определены сроки и порядок исполнения наказания, что уже предполагает возможность существования определенной тюремной субкультуры, но ещё не позволяет открыто судить о ней.

Более подробное описание тюремного заключения появилось только при Алексее Михайловиче, во время правления которого было издано Соборное Уложение 1649 года. В нем нашли закрепление и само тюремное заключение, и новый вид наказания – ссылка (именно с её появлением можно начинать более подробно говорить о таком понятии, как криминализация общества). Отразился на распространении преступной субкультуры и такой метод государства по снижению уровня криминализации в центрах, как высылка преступника в «украинные города» после отбывания заключения.

Однако в условиях последствий Смутного времени, несмотря на все меры государства, уровень преступности в городах оставался высоким. В крупных поселениях находилось именно то, что было нужно преступникам – тесные местности и толпа. Это, в свою очередь, способствовало организации различных преступных групп и шаек, а также преступных «сословий».

Оказали влияние на укрепление криминальной среды и постигшие Россию в XVIII веке массовые бедствия, в период которых казалось, что не было уже «проявления общественной жизни, к которому преступный мир не приспособился для пользы» [5]. Всё это создало среду для увеличения количества преступлений, даже вопреки усиленному строительству тюрем, которых к XIX веку насчитывалось уже около 884 (многие из них функционируют до сих пор – например, Орловский централ).

О зародившихся преступных профессиях мы можем узнать на страницах «Московских тайн» М.М. Максимова, установившего классовое деление преступников XVII-XVIII веков. В первую группу он отнес «ершей» – воров-карманников, сразу после – «неавторитетных» «домушников». Кроме того, не пользовались большим уважением и выделенные им «скамеечники» - конокрады [6]. Впрочем, статус некоторых успел вскоре в значительной степени измениться. Так, карманные воры к концу XIX столетия стали «марвихерами» – привилегированным сословием [7].

С наступлением XX века криминальный мир царской России продолжал эволюционировать в сложный, но слаженный механизм. Тюрьма в это время стала своего рода «учебным заведением» со своими правилами поведения и «табелью о рангах», в которой главенствующее место заняли «иваны» – гроза всех арестантов [8]. Следом за ними шли «храпы» [9], далее - сословие «жиганов» (состоящее из необразованных рабочих, впервые оказавшихся в заключении) и самое последнее место досталось наиболее бесправной «шпанке» (крестьянам). Иными словами, уже на тот момент можно проследить четкую стратификацию в преступной среде.

Однако долго просуществовать в таком виде ей не удалось. Оказавшие влияние на большинство сфер жизни в России события 1917 года отразились и на криминальной субкультуре. Перемены политического, эко-

номического, социального характера породили хаос и за стенами мест лишения свободы. Сыграли свою роль и амнистии, и революционные настроения, и процветания многочисленных группировок.

Кардинально изменилась ситуация в советский период, когда стала усиленно прививаться невозможность существования криминальной субкультуры как таковой – её отрицала идеология. Исследования в области криминальной среды были заморожены «за ненужностью». Впрочем, кризис уголовной среды в 30-е годы действительно существовал, выражаясь в многочисленных конфликтах в преступной иерархии, возникновении новой группировки «воров в законе» и «единого воровского закона».

Наиболее переломный момент в истории воров-законников настал позже – в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а также в послевоенные годы, когда произошел раскол на «идейных воров», продолжавших почитать воровские «идеи», и «воров в законе» новой формации. С этого начался процесс развала преступного мира, опрочетливо воспринятый в 50-е годы советской пропагандой и правоохранительными органами как окончательная ликвидация криминального сообщества.

Немаловажен для преступной субкультуры оказался и иной процесс того времени – слияние общеуголовной сферы с экономической, прошедший незаметно. Обратил ли к 80-90-м годам кто-то внимание, как вышло, что некоторые успешные предприниматели – выходцы из криминальной среды? Об особой преступной активности говорит и статистика, согласно которой в 90-е годы из 387 «воров в законе», отбывали реальные сроки всего 100.

Можно обратиться и к иным данным, связанным уже с наступлением XXI века и представленным А.В. Покаместовым: ежегодно официально выявляется в районе 40-60 «воровских сходок», где задерживаются десятки членов ОПГ. Однако успех этот весьма сомнителен, потому как из свыше тысячи «воров в законе», раскрытых в 1999 году, привлечено к ответственности лишь 86, а осуждено – 31 [10].

И, тем не менее, при наличии некоторых постоянных черт, сохраняющихся в криминальной субкультуре на протяжении времени, объяснимыми являются и существенные изменения, произошедшие в последние десятилетия в новом, деидеологизированном государстве.

Криминальные идеалы, жесты, сленг и прочее, о которых старались умалчивать на протяжении более чем полувека, в 90-е годы неожиданно вырвались на свободу и к настоящему времени даже находят частичное закрепление в повседневной жизни социума, что влечет за собой негативные последствия. Повышается уровень коррупции, происходит деформация сознания населения: политическая (недоверие к государственным институтам), духовная (искаженные представления о справедливости), деформация правосознания (неверие в равенство граждан). Происходит романтизация преступной жизни через фильмы, музыку, СМИ. Отдельные элементы уголовной субкультуры укоренились в нашей обыденной жизни уже сейчас – некоторые жаргонизмы, атрибуты преступного фольклора и пр. И всё же, к счастью, это лишь малая часть атрибутики преступного мира.

Главным элементом преступного мира является мировоззренческая система, включающая в себя определенные нормы и правила, потерпевшие в последнее время некоторые изменения. К примеру, для уголовных элементов стали допускаются ранее осуждаемые семья и брак.

К слову, именно криминальные нормы являются вторым крайне важным атрибутом преступного мира, обеспечивающим его функционирование. Нормами устанавливаются: социальные статус и роль лица, отношение к другим преступникам, способы разрешения конфликтов – правила «разборов» (самосуда) и т.д. К примеру, к поощряемым поступкам относят уважение к «авторитетам», запрещаются же доносы, дача показаний против своих товарищей и т.д. Гарантируется исполнение указанных норм жесткой системой санкций – от порицания вплоть до смертной казни.

Очередным значимым элементом криминальной субкультуры является жаргон – особый условный язык, используемый криминальными элементами. Свое начало подобные способы коммуникации предположительно берут из методов общения мелких разносчиков товара – офеней, использовавших тайный язык с целью мошенничества. Тем не менее, одним из признаков современного уголовного жаргона является невысокая сте-

пень шифрования, поскольку в процессе криминализации общества отдельные слова и выражения укоренились даже в повседневной разговорной речи.

Несколько иным способом общения в криминальной среде являются жесты – набор невербальных сигналов и знаков, воспроизводимых посредством мимики и рук. Жесты, в отличие от жаргонизмов, несут более скрытый характер, а также выполняют функцию передачи информации (перестукивание в камерах, визуальное общение на пальцах) и опознания.

Определить положение отдельного лица в преступной иерархии помогает и такой распространенный элемент как клички. Кличка преступника становится его визитной карточкой, содержа в себе наиболее важную информацию о его личности: фамилию или имя (Котлов – «Котел», Павел – «Паха»), специализацию («Робинзон» — преступник-одиночка, «Фунт» — валютчик), физиологические особенности («Очкарик») и др.

Еще одним невербальным атрибутом общения в уголовной среде является татуировка – своего рода удостоверение личности преступника. На настоящий момент существует несколько научных классификаций татуировок: по принадлежности к «рангу» (авторитетные, пренебрегаемые и нейтральные), по характеру преступления (судимые за кражу, грабеж и т.д.). Существует классификация татуировок и в самой преступной среде на: регалки (элитарные), портачки (самодельные) и нахалки (позорные).

Среди наиболее типичных мужских татуировок можно встретить: символы "зоны" и свободы (колокол), перстни (символ специализации, количества сроков), элитные татуировки (погоны – высокое положение), церкви (количество сроков или отбытых лет по количеству куполов), татуировки-клейма (на носу – доносчик; на подбородке – крыса) и пр.

Некоторые отличия имеют женские татуировки, не получившие собственного развития, а потому намного реже встречающиеся в уголовной среде. В данном случае намного чаще можно заметить мотивы сожаления о свободе (птицы), любви (цветы, сердца), но встречаются и символы агрессии.

Татуировки, стратификация, жаргон — для чего же необходимо настолько подробное изучение криминальной субкультуры, условий её возникновения и распространения? Нечто опасное, антиобщественное всегда интриговало людей любопытных, однако суть данного исследования далеко не в любознательности. Исследование преступного мира в дальнейшем позволит нам проследить сложные общественные процессы криминализации, выявить основные столпы, на которых держится уголовная среда. Знание атрибутов преступной среды также способно оказать помощь в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Одним из направлений именно такой деятельности может являться деятельность по противодействию проникновению криминальной субкультуры в социум через ликвидацию её экономической составляющей и привлечение к ответственности её "верхушки". Иной стратегией противодействия распространению преступности являются мероприятия по разобщению криминальной среды, какое уже происходило в середине прошлого века. Единство — одна из важнейших особенностей уголовной субкультуры, а потому исключение возможности объединения преступных групп упростит их ликвидацию. Не стоит упускать из внимания совершенствование действующей нормативной базы и повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, а также профилактические мероприятия (правовое просвещение, разъяснительные беседы), пресекающие саму причину криминализации. Не является исключением и сама сфера правоохранительных органов, где особенно важно не допустить склонение работников, постоянно находящихся под влиянием среды, в сторону криминальной субкультуры. Иными словами, способы пресечения криминализации достаточно обширны и разнородны, однако должны применяться комплексно.

Криминальная субкультура, субкультура работников пенитенциарной системы, молодежные субкультуры – современное общество неоднородно. Однако оно едино – социальные процессы в одной его части не могут не влиять на процессы в другой. Несмотря на то, что история криминального мира содержит крайне контрастные периоды, в настоящее время происходит его дальнейшая эволюция, оказывающая своё специфическое влияние на весь социум и испытывающая влияние социума на себе. Как в свое время повлияло на криминализацию происхождение отдельных политических деятелей, «поднявшихся» в 90-е годы, и неграмотность работни-

ков СМИ, так и сейчас общественность не остается без существенного отклика со стороны преступного мира. Вместе с тем, как в уголовной среде происходит совершенствование аппарата, создаются новые специализации (кибер-преступность), общество переживает новые этапы криминализации, а в особенности, наиболее динамичная его часть – молодежь. И хотя сейчас некоторые элементы уголовной среды (например, татуировки) в смягченной форме принимаются обществом и являются частями и иных субкультур, стереотип причастности их носителя к «уголовникам» сохранился в сознании большинства граждан до сих пор. Определенную опасность представляет и подростковая «ауе-субкультура» – своеобразная игра в представителей преступности через использование характерной атрибутики с целью повышения авторитета в среде сверстников, формирующая у несовершеннолетних деформированное мировоззрение и правосознание.

В этом и заключается главная опасность криминальной субкультуры – воздействуя на наиболее «незащищенные» слои общества, она впоследствии находит свое проявление в такой тяжелой социальной «болезни», как преступность, и в связанных с ней других девиациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. - Л., 1988. Т.3. - С.531.
2. Чехов А.П. Остров Сахалин. - М., 1985. - С. 45.
3. Солженицын А.И. В круге первом. - М., 1991. - С. 145.
4. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М., 1990. - С. 304.
5. Алферов Ю.А. Личность преступников в ИТУ. Практикум. –Домодедово: РИПК МВД РФ, 1992. Ч.2. - С.92.
6. Криминалистика: Краткая энциклопедия. - М., 1993. - С. 67.
7. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычаи, язык, татуировки. Энциклопедия. – Донецк: Сталкер, 1997. - С. 73.
8. Раззаков Ф.А. Бандиты времен социализма. Хроника Российской преступности. - М., «ЭКМО» 1997. - С. 528.
9. Алферов Ю.А. Адаптированные методы изучения человека в условиях ИТУ. Учебное пособие. - М.: МЦ при ГУК МВД РФ, 1996. – С. 192.
10. Покаместов А.В. Организаторы преступных формирований и преступной деятельности: криминологические и уголовно-правовые проблемы//Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. - М., 2001. - С. 342.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А. Е. Уколова,
студентка ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
anna.ukolova@mail.ru
Научный руководитель:
Е. А. Хабарова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Мера пресечения в виде домашнего ареста нашла свое применение на практике в российском правовом пространстве достаточно давно – с 2002 года. Уголовно – процессуальный кодекс вполне конкретно описывает ее сущность, а также оговаривает возможность наложения различного рода запретов, которые могут быть исполнены в отношении обвиняемых (подозреваемых) как по отдельности, так и в совокупности.

Далее мы более детально оговорим основные запреты и ограничения, а также уделим внимание ключевым проблемам, возникающим при их практической реализации.

Данная мера пресечения достаточно популярна и зачастую используется правоприменителями. В соответствие со статистическими данными ФСИН России, количество лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, с каждым годом растет. Так, в 2015 году эта цифра составила 4215 человек, 2016 – 5642 человека; 2017 – 6753 человека [11]. Согласно обобщению практики применения районными (городски-